

МАРИНА СЕРОВА

Сериял "Частный детектив Татьяна Иванова"

**Кто последний
к маньяку?**

МНОГО ЧИТАЕШЬ? ПОДАРОК ПОЛУЧАЕШЬ!
Читай внутри условия акции-2011!

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Дуракам всегда везет!

«Научная книга»

2011

Серова М. С.

Дуракам всегда везет! / М. С. Серова — «Научная книга»,
2011 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

К частному детективу Тане Ивановой обратилась подруга Светка. Предложение у Светки было, собственно, единственное. Оно же — просьба. И, учитывая характер с нею отношений, оно же — требование. Немедленно покинуть турбазу, следовать с нею в Тарасов и в кратчайшие сроки спасти Людочку. От ужасной смерти от руки злодея-убийцы. Что с Людочкой случилось и от кого ее нужно спасать, толком из Светкиного рассказа не понятно, но это не имеет особого значения. Придется спасать Светкину подругу от кого бы то ни было, иначе спасать надо будет дружеские отношения.

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	11
ГЛАВА 3	16
ГЛАВА 4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Марина Серова

Дуракам всегда везет!

ГЛАВА 1

Если вы ни разу не были в Тарасове, то летом лучше не приезжайте. Потому что летом в Тарасове восемьдесят пять дней из девяноста стоит жара. Жара в Тарасове – это не просто когда жарко на улице... Это страшная жара, когда плавятся мозги, время пребывания на открытом солнце, не грозящее ожогами, ограничено десятью минутами, газированная вода в автоматах горячая, а главное чувство, которое тебя не покидает ни на минуту, – ненависть к древним рептилиям с их стремлением к перемене среды обитания.

Зачем миллионы лет назад они переселились на сушу? Что, разве плохо в воде было?

И это уже не Тарасов, это Каракумы, это Сахара, это Идехан-Мурзук, Эль-Джуф, это Тимбукту какое-то... Короче, это где угодно, но только уже не на Волге. Это на озере Чад...

И в такое время – работать?

Ну уж нет уж... По-моему, это все равно что, разбежавшись посильнее, со всего маху – головой в бетонную стену. А что? Не верите? Попробуйте. Уверю вас, результат будет в обоих случаях один и тот же – мозги всмятку.

И если у вас есть выбор, то я знаю, что вы выберете... Если, конечно, вы не сумасшедший.

...Теперь угадайте, о чем я думала, когда, отстояв полчаса на шоссе, пока Светка пыталась поймать попутную машину, и за это время сварив свои мозги не только всмятку, но уже и вкрутую, ехала в душный, раскаленный Тарасов с прекрасной волжской турбазы с симпатичными деревянными домиками, в которых всегда, в любую жару, прохладно, потому что стоят они в тени огромных старых-престарых лип и дубов, буквально в нескольких метрах от волжской воды, где веет свежестью.

Вы правы, я думала – не сумасшедшая ли я и вообще – что я делаю?! Но выбора у меня не было. Я не могла даже надеяться хоть на минуту освободиться от бдительного конвоя, состоящего из моей близкой подруги Светки и ее близкой подруги, кажется, Людочки. С которой я до сегодняшнего утра не была знакома. Но это-то как раз вполне естественно для наших со Светкой отношений.

Мы никогда не знакомим своих друзей, ни я – с ней, ни она – со мной.

И то, что она привезла с собой эту Людочку, да еще приехала на автобусе, потому что ее машина накануне сломалась, были настолько для меня убедительными аргументами, что я заранее была согласна со всеми ее предложениями.

А предложение у Светки было, собственно, единственное. Оно же – просьба. И, учитывая характер наших с нею отношений, оно же – требование.

Немедленно покинуть турбазу, следовать с нею в Тарасов и в кратчайшие сроки спасти Людочку. От ужасной смерти от руки злодея-убийцы.

Что с Людочкой случилось и от кого ее нужно спасать, я толком из Светкиного рассказа не поняла, но это не имело особого значения. Теперь мне придется спасать Светкину подругу от кого бы то ни было.

Если я этого не сделаю, то спасать надо будет наши со Светкой отношения.

Едва я увидела ее, спускающуюся по крутой тропе с обрыва к турбазе с какой-то дамочкой, самые дурные предчувствия зашевелились у меня в душе.

Времени было всего семь утра, я возвращалась с рыбалки с двумя прекрасными лещами, на три килограмма каждый, и тут же вспомнила предсказание моих магических костей, с которыми я всегда советуюсь перед тем, как приступить к важному делу. А рыбалка – достаточно

важный повод, чтобы серьезно поинтересоваться ее непредсказуемыми результатами. Если, конечно, вы настоящий рыбак, а не жалкий любитель. Хотя бы в душе.

Я никогда не расстаюсь со своими магическими костями – тремя маленькими двенадцатигранными кусочками кости, отполированными прикосновениями сотен ладоней нескольких поколений индонезийских колдунов и профессиональных гадалок. Их подарила мне колдунья с острова Калимантан, с которой мы встретились на международном парапсихологическом симпозиуме в Москве. На гранях одной из них нанесены числа от одного до двенадцати, на другой – от тринадцати до двадцати четырех, и на третьей – от двадцати пяти до тридцати шести. Каждый бросок дает практически неповторимую комбинацию из трех чисел, а каждой комбинации соответствует единственное толкование, прочесть которое можно в древних магических книгах. Я на память не жалею и помню наизусть каждое значение, что позволяет мне эффективно пользоваться костями в любой ситуации.

Кости никогда не обманывают, хотя иной раз понять их предсказание не просто. Главное – точно сформулировать вопрос.

Проснувшись, едва начало светать, я, помнится, буркнула сама себе: «Ну-ка, посмотрим, что меня ожидает?», имея в виду, конечно, – будет ли клев, много ли я наловлю рыбы, ну и прочие дела, понятные и нужные одним только настоящим рыбакам.

А что имели в виду кости, до меня начало доходить только сейчас.

Комбинация, которую мне кости выдали, – 10+31+19 – означала буквально следующее: «Предстоит смена обычного ритма Вашей жизни – возможно, все это произойдет без Вашего согласия».

В четыре утра, спросонья, хоть и с трудом, но можно было расценить это как обещание хорошего улова. Особенно, если учесть, что, как правило, никакого клева не было и «ритм» моих уловов за всю предыдущую неделю – три плотвички и два «сопляка».

Однако, увидев Светку, я поняла, что кости имели в виду вовсе не клев и не удачу на рыбалке, а нечто совсем другое.

Звезды имели в виду Светку.

Вернее, ее подругу Людочку.

Хотя, если уж быть с собой до конца честной, с моей профессией пора бы уже и привыкнуть к резким сменам жизненного ритма и ко всякого рода непредсказуемостям. Потому что я – частный детектив, известная всему Тарасову как Ведьма, своим друзьям – как Таня Иванова или Колдунья, а близким подругам, в число которых Светка, без всякого сомнения, входит, – как Танюшка.

– Отдыхаешь? – без всяких предисловий напала на меня Светка. – Нас там в Тарасове убивают, а ты отдыхаешь? Детективчик ты наш знаменитый!

– Светочка! Я так рада тебя видеть. Не представляешь, как я без тебя скучала. Что ты такое говоришь! Кто вас убивает?

– Вот ты, – она указала на меня пальцем, – и узнаешь – кто. И найдешь их.

Надо сказать, Светка всегда гордилась моей профессией. Никогда, ни разу, ни намеренно, ни случайно, она не участвовала ни в одном из моих расследований, но всегда мои рассказы о них слушала, затаив дыхание. И я порою, признаюсь, распускала перед нею хвост. О чем потом всегда жалела. Особенно в ситуациях, подобных той, в которую мы со Светкой попали к концу дня.

Ее спутница стояла молча, поглядывая по сторонам с удивленно-снисходительным выражением лица, слегка приподняв брови и округлив глаза, словно недоумевала: «Что это я тут делаю?» Разглядывая ее немного восточное лицо, я подумала: «А ведь в ней есть своеобразная привлекательность. Можно даже назвать ее красивой». Хотя тут же отметила для себя слишком по-мужски развернутые плечи и порывистую угловатость движений. Нет, это не в моем вкусе.

В женщинах меня больше привлекает женственность. Несмотря на всю нашу сегодняшнюю эмансипированность. Сколь ни были бы мы сегодня мужественны, конкурировать в этом с мужиками нам, на мой взгляд, не стоит. И не говорите мне, что мужчины стали женственнее нас самих. Статистика для меня не аргумент. Ведь есть еще идеальные представления. И надежда на то, что идеалы встречаются иногда в реальной жизни. А суррогаты – это не мой стиль. Это скорее в Светочкином вкусе.

– Ты нас познакомишь? – спросила я Светку, нагло улыбаясь ей в лицо. А что? Почему ж немного не поиздеваться над ней? Не я же, в конце концов, нарушила наш негласный этикет и приволокла, не спрося разрешения, к ней в гости симпатичную бабу.

Светка отвела меня на шаг в сторону и зашипела громким шепотом:

– Я знаю, что я нетактична, но, кроме тебя, ее никто не спасет. Это такой ужас! Я не хочу, чтобы ее убили. Ее зовут Людочка. Танюша, сделай это для меня. Ты можешь это сделать! Ну, пожалуйста!

Слушая ее, я ухмылялась. Ну, Светка, ну, ненасытная тварь! Ей всегда всего мало. Одной меня ей, видите ли, недостаточно, как и одной Людочки, судя по всему. Она решила нас вместе завязать... И ведь, главное, знает, что я ей не откажу. Иначе не приехала бы.

– Людочка, это Таня Иванова, та самая Ведьма, о которой я рассказывала, – щебетала Светка, заглаживая неловкость нашей неожиданной для меня встречи. – Танюша, а это Людочка. Ей обязательно нужно помочь. Ты представляешь, она была в том троллейбусе, ну, сгорел который с бензовозом вместе...

Так-так, а ситуация-то, пожалуй, серьезнее, чем я предполагала... Пожалуй, стоит порасспросить, кто это их убить собирается. Я-то было подумала, что это невинный Светочкин треп.

– Сначала ответьте мне, кого из вас хотят убить? Или – обеих?

– Ее.

– Меня.

Светка и Людочка ответили на мой вопрос одновременно, переглянулись и друг другу улыбнулись.

Это меня разозлило.

– Может быть, кто-то один будет отвечать на вопросы? Иначе я ничего не пойму.

Светка виновато опустила глаза. Смутилась, кокетка чертова.

– Когда вас пытались убить? – строго спросила я Людочку.

– Последний раз – вчера.

– А что... – несколько растерялась я, – была и до этого попытка?

– Понимаете, дело в том, что за последние две недели, ну, или чуть больше, я несколько раз попадала в ситуации, которые...

– Что – которые?

– Ну, в которых я свободно могла расстаться с жизнью. То есть убить меня могли...

– А можно полюбопытствовать, сколько это – несколько раз?

– Да, конечно, – разрешила мне полюбопытствовать Людочка. – Раз, пожалуй, семь. Или даже восемь. Или даже больше...

Тут я поняла, что поездка в Тарасов для меня неизбежна.

– Ладно, я еду с вами, – сказала я Светке. – На, держи.

И сунула ей свой улов. Пусть подержит. А потом еще и по городу потаскает.

И пошла переодеваться.

– Подождите, – остановила меня Людочка. – Я хотела бы сразу решить один вопрос... Я знаю, что вы берете в день по двести долларов. Я заплачу.

«Ну уж нет. Этот номер у нее не пройдет, – подумала я. – Ситуацией буду руководить я, а не она. Это мое условие. Не хотите – не надо. Обращайтесь в милицию. Я вашим делом заниматься не буду».

– С подруг моих подруг, – я специально для Светки отчетливо выделила множественное число: «моих подруг» – и решительно отрезала, но теперь уже специально для Людочки, – я денег не беру. Оплатите накладные расходы. Если они будут.

И теперь уже совершенно беспрепятственно пошла переодеваться.

Вот так и получилось, что я ехала на каком-то стареньком «жигуленке» в Тарасов, злобно глядя на мыкающуюся с моим засохшим на солнце уловом Светку и имея впереди безрадостную перспективу весь остаток июня провести в раскаленном на солнце жарком и душном городе, выпутывая незнакомую мне Людочку из какой-то странной истории.

А история была действительно странная, в чем я все больше убеждалась, слушая не очень связный рассказ самой Людочки о свалившихся на нее в последнее время злоключениях. Правда, главная моя забота в это время была – пережить убийственный контраст между волжской прохладой и городской жарой. Остальное плавно скользило по поверхности сознания, делая робкие попытки проникнуть в него, но, потыкавшись в его ватную размягченность, сползло в объемистый резервуар моей памяти. Память у меня – как швейцарский банк: сохранность гарантируется.

Итак, вот что я запомнила и поняла из сбивчивого рассказа Людочки и коротких, но очень экспрессивных Светкиных комментариев.

С Людочкой постоянно происходят странные вещи. Эта женщина – просто какая-то ходячая гигантская аномальная частица пространства, с которой регулярно происходят события, вероятность наступления которых немногим отлична от нуля. Короче говоря, если вероятность чего-то не больше двух шансов из тысячи, с Людочкой это что-то обязательно случается.

Ее жизнь постоянно в опасности.

Это, с одной стороны, свойство ее натуры, характера, каких-то необъяснимых и непонятных способностей, всегда вовлекающих ее в авантюры даже там, где никакими авантюрами не пахнет.

С другой стороны, в происходящих с нею вещах есть какая-то внутренняя логика, с однозначной последовательностью приводящая к выводам о действии какой-то внешней силы, стремящейся сжить ее со света.

Например, собравшись выходить замуж и уже живя со своим будущим мужем, она решила в последний раз встретиться со своим прежним возлюбленным. Надела свое самое «блестящее» платье, в тон ему накрасилась, сказала жениху, что идет в бассейн, и отправилась, предвкушая все прелести последнего прощания. И психологические, и физиологические. Хотела праздник напоследок себе устроить. И что же? Не пройдя по улице и ста метров, провалилась в открытый канализационный люк. После чего, естественно, вернулась домой. Ну вы представляете... «Слушай, Люд, ты в какой бассейн ходила?» – не преминул съязвить Сергей.

Этот эпизод к первой группе явлений, происходящих с Людочкой, конечно, относится.

Замуж за Сергея она все же вышла. Ну так что же? Прожив с нею два года, он влюбился. Как вы думаете, в кого влюбился ее муж? Такое могло случиться только с Людочкой. В бразильянку. Это была первая бразильянка, попавшая в Тарасов за всю его четырехсотлетнюю историю. И «досталась» она именно Людочкиному мужу. И он уехал с нею в Бразилию. Правда, вскоре вернулся, но от Людочки все же ушел, оставив ей двух очаровательных близнецов, Семку и Темку. А сам уехал в Москву и пробует там свои силы в операциях с недвижимостью.

Ну это тоже к первой группе.

Год назад они с матерью поменяли трехкомнатную квартиру, в которой жила мать, и двухкомнатную «хрущевку», оставленную Людочке с детьми Серегой, на шикарную, в двух уровнях, пятикомнатную квартиру в кооперативе, строительство которого заканчивалось; несколько месяцев снимали жилье и, дождавшись сдачи дома, въехали в новенькие апартаменты площадью около двухсот метров.

Как Людочке удалось повернуть этот обмен – стандартную типовую сорокаметровку и облезлую «хрущевку» в отдаленном от центра районе на превосходную квартиру в элитарном доме, каждый метр площади в которой стоил бешеные деньги, – не могла бы объяснить и она сама. Это был один из тех необъяснимых бытовых полтергейстов, которые сопровождали ее жизнь постоянно.

Но вот три месяца назад ее мать неожиданно умерла, успев лишь полгода пожить в новой квартире... Она любила выпить в одиночестве, и однажды, приняв пол-литра коньяка, она пыталась после этого принять ванну, уснула в ней и захлебнулась. Такую версию, по крайней мере, выдвинула милиция. Вода из открытого крана стала переливаться на пол, просочилась на нижний этаж и затопила соседей. Сосед из нижней квартиры, тумбоподобный качок со взглядом стоялого быка, легко вышиб дверь, собираясь вышибить и мозги тому, кто испортил в его квартире потолок, но, увидев в ванне плавающее под водой тело, несколько успокоился насчет потолков, но вечером все же принес Людочке счет за ремонт на скромную сумму в пятьсот долларов.

Людочка срочно отправила близнецов к Серегиней матери и взялась за похороны. Похоронив мать, она осталась одна в огромной пятикомнатной квартире, под самой крышей одиннадцатизэтажного дома из красного кирпича. У нее сдали нервы. Ей каждую ночь мерещилось, что кто-то ходит то по чердаку дома, то по квартире. Она никогда не была экзальтированной дурочкой, легковерно принимающей рассказы о всяких мистических чудесах и нелепостях, но после смерти матери с ней явно что-то случилось. Мистика это была или не мистика, но что-то очень уж похожее начало случаться с нею с ужасающей регулярностью.

Особенно в этой ее замечательной новой элитарной кооперативной квартире. Особенно по ночам, хотя и днем было не передохнуть.

Словом, жизнь была у нее нескучная. Даже слишком нескучная. Я на ее месте предпочла бы хоть слегка поскучать, чтобы остаться в живых.

Дома у нее уже успел взорваться газ на кухне из-за утечки от неплотного присоединения плиты к газовой трубе, как ей позже объяснили в аварийной службе горгаза. Произошло это в полночь, когда она стояла под душем в душевой, той, что рядом со спальней, на другом конце коридора, метрах в десяти от кухни. И это опять-таки спасло ей жизнь, так как от взрыва перегородка между кухней и вторым санузлом, находившимся рядом с кухней, разрушилась, и, если бы она была в нем, неизвестно, что с ней тогда стало бы. Вернее, известно, конечно, но тогда на этом история и закончилась бы, едва начавшись.

Ее преследовали не только слуховые, но и зрительные, и обонятельные галлюцинации. Она теперь постоянно ощущала запах газа. Ночью в окнах ей мерещились какие-то тени. Это на одиннадцатом-то этаже!

Впрочем, ее преследовали не только галлюцинации. Один случай можно было однозначно истолковать как покушение на ее жизнь. Однажды, услышав звонок в дверь, она, осторожно к ней подойдя, посмотрела в «глазок» – без этого она теперь никогда дверь не открывала, – но, никого не увидя, открывать не стала. Едва она отошла на три шага, как в коридоре за дверью раздался сильный взрыв. Обе соседские двери повывивало с петлями, а ее «Кайзер» устоял.

На улице рядом с ней падали с крыш кирпичи, идущих рядом с ней людей сбивали машины, в троллейбус, в котором она ехала, врезался на большой скорости бензовоз и взорвался. Уж тогда бы ей, казалось, не выбраться – выплеснувшимся из цистерны бензином облило полтроллейбуса, и люди сгорели заживо.

Но с Людочкой, как всегда, случилась вещь невозможная. Во время столкновения ее выбросило через разбитое окно троллейбуса, и, порядком ободрав себе локти и колени, Людочка отделалась в остальном легким испугом и прогрессирующей с каждым днем манией преследования.

История с бензовозом случилась всего пять дней назад, и Людочка все никак не могла от нее отойти и успокоиться. Время от времени она пугливо озиралась и дергала головой, вызывая смутные ассоциации из глубокого детства – неуловимые мстители, корона Российской империи, капитан Овечкин... На локтях и на коленках у нее красовались не зажившие еще царапины, что придавало ей весьма пикантный вид. Особенно в глазах мужчин, наверное.

– Ну что ж, – сказала я, как только мы вышли из автобуса на конечной остановке в центре города, – ведите меня в эту нехорошую квартиру.

– Конечно, Танюшка, – волновалась Светка, – ты должна посмотреть на все это своими глазами. Ты сама все поймешь. Я верю в твою интуицию...

Что верно, то верно. Соглашусь без ложной скромности. Моя интуиция меня еще никогда, ни разу не подводила. Скорее всего пойму. Хотя не могу сказать, что мне этого очень хочется.

ГЛАВА 2

Интуиция не подвела меня и на этот раз. Едва мы вошли в квартиру, как я поняла, что что-то не так. Существует какая-то опасность для нас всех.

Выйдя из лифта, я несколько приостановилась, так как была удивлена и заинтересована планировкой одиннадцатого этажа. Пока Людочка и Светка возились с ключами, пытаюсь справиться со слегка покореженной взрывом металлической дверью известной фирмы «Кайзер», я рассмотрела подробно странное помещение, в которое мы попали.

Просторный холл на одиннадцатом этаже заменял собою, вероятно, лестничную площадку. Размеры этой площадки были таковы, что на ней вполне можно было бы устраивать соревнования по волейболу и бадминтону, если бы не некоторая ограниченность высотой потолка – он был всего метров пять или шесть.

Холл был овальной формы, впрочем, в этом он повторял очень странную форму самого дома. Всего в доме было два подъезда, но одиннадцатый этаж был общим на оба подъезда. И потому еще холл оказался таким огромным, что находился посередине между этажами и в него выходили квартиры обоих подъездов. Двери расположены были как-то кучками по три. Высота же холла складывалась из высоты одиннадцатого этажа и надстроенного над ним чердака или технического помещения. Причем над самим холлом чердака не было, над ним была непосредственно крыша, бетонные плиты, замаскированные фальшивым потолком.

Двенадцатый чердачный, или технический, этаж представлял собою, таким образом, широкое кольцо вдоль периметра дома. Часть чердака занимали солярии и вторые уровни квартир одиннадцатого этажа, не занятое ими пространство составляло собственно чердачное помещение.

Ту сторону холла, в которой была расположена дверь в квартиру Людочки, я угадала сразу, впрочем – что там было и гадать: следы взрыва указывали на это безобразными пятнами на стенах вокруг трех дверей. Средняя вела, очевидно, в Людочкину квартиру.

Людочка разобралась наконец с дверными замками. Дверь оказалась запертой всего на один из трех существующих в ней замков, хотя Людочка уверяла, что, уходя, запирала ее на все три. Говорила она об этом очень уверенно, но странным образом в ее голосе одновременно присутствовали и нотки неуверенности.

Это меня сразу насторожило. Я поняла уже, что на слово Людочке верить нельзя. То есть ни одно произнесенное ею слово нельзя принимать на веру, потому что разобрать, когда она врет, а когда говорит правду, не было никакой возможности. На лице у нее постоянно присутствовала какая-то подвижная маска независимой невозмутимости, даже в тех случаях, когда она сообщала вам заведомую ересь, странную даже ей самой.

Я взяла Людочку за плечо, впрочем, почувствовав негодующий Светкин взгляд, тут же отдернула руку, как от горячей сковородки, хотя плечо было прохладное и кожа у Людочки упруго-податливая, нежная на ощупь. У меня надолго осталось приятное ощущение.

– У кого еще есть ключи от квартиры?

Людочка ответила мне кристально чистым, по-детски честным взглядом:

– Только у меня.

– Что, комплект ключей с самого начала, со дня установки двери был один?

– Нет, вторые ключи были у мамы, но после ее смерти я их не нашла.

Мы все еще топтались перед дверью, никак не решаясь войти.

– А где еще один? «Кайзер» всегда выдает три комплекта ключей.

– «Кайзер» выдает только два, – бросилась спорить со мной Людочка, – я сама разговаривала с представителем фирмы, он сказал, что, если нам будет мало двух комплектов ключей,

мы можем заказать еще, хоть десяток, хоть два. Нужно только доплатить. Но нам больше двух и не надо было. Мне и маме.

Я поняла, что переспорить ее не смогли бы и кайзеровцы. Она стала бы уверять самого директора фирмы, что полгода назад, когда ей ставили дверь, у него в фирме были другие порядки.

Ладно, черт с ней, придется работать в условиях неопределенности и логической нестабильности. И, наверное, нужно поменьше задавать Людочке вопросов. Чтобы окончательно не запутаться в том, как она хочет выглядеть, и в том, как ей удастся выглядеть. На самом деле и то и другое одинаково далеко от истины.

– Стойте здесь, – приказала я Светке и Людочке. – Я посмотрю, что там.

Я осторожно открыла металлическую дверь и шагнула в квартиру.

Первое, что я почувствовала, – необычный неприятный запах.

«Опять утечка газа? – подумала я. – Сколько же можно устраивать взрывы?»

Впрочем, на запах пропана было похоже мало. Это было что-то органическое или строительно-технологическое. Впрочем, не могу утверждать наверняка, по запахам я не большой специалист.

Но вот присутствие сигаретного дыма я уловила очень четко. Разве может пахнуть сигаретами в квартире, в которой несколько часов никого не было? Это наблюдение встало в один ряд с сомнениями, рожденными Людочкиной возней с ключами.

Сомнений у меня уже абсолютно не было, в квартире находился посторонний человек. Если хотите, назовите это интуицией – внутреннее ощущение, подтвержденное внешним наблюдением.

Я огляделась в прихожей, пошарила глазами по углам в поисках чего-нибудь увесистого, чтобы чувствовать себя увереннее.

И тут же обнаружила в углу за дверью целый склад каких-то палок и железок неизвестного предназначения и происхождения. Кучу разномерного и разновесного бытового и строительного мусора.

Все ясно – Семка и Темка перед отъездом к бабушке позаботились о том, чтобы я имела возможность как следует вооружиться.

Я выбрала полуметровый никелированный металлический прут, похоже, от спинки старой пружинной кровати. Не бог весть какое оружие против пистолета, например. Но в рукопашном бою он дал бы мне серьезное преимущество перед любым противником.

Прихожая отделялась от комнат плотно обитой дверью, и возню с ключами у наружной двери квартиры вряд ли кто мог слышать, если, конечно, в ней действительно кто-то находился.

Взяв прут обеими руками наподобие бейсбольной биты, я приоткрыла дверь из прихожей и двинулась вперед по коридору.

Полы и двери в новой квартире не скрипели, и продвигалась я практически бесшумно. Заглянув на кухню и не обнаружив там никого, я ужаснулась черным после взрыва газа стенам в обгорелых клочках обоев, разрушенной наполовину перегородке между кухней и ванной и с трудом узnanному мною покореженному чайнику, стоящему на удивительно белой газовой плите. Чайник принял какую-то угловатую непредсказуемую форму, дающую представление, что произошло бы с головой того человека, который находился бы на кухне во время взрыва этого самого пропана.

Не обнаружив никого в трех огромных комнатах, в которые я заглянула, осторожно шагая по широченному коридору – по нему, наверное, свободно прошел бы средний танк, если бы не крутил башней по сторонам, – я была несколько озадачена. Неужели мое чутье меня на этот раз обмануло? Но ощущение опасности не проходило, и я с прежней осторожностью двигалась дальше.

Наконец я увидела первое подтверждение того, что в квартире находится кто-то посторонний. В необъятной, метров на пятьдесят, Людочкиной гостиной, мебели в которой было всего ничего – диван да пара кресел, отчего возникало ощущение пустоты то ли офиса, то ли нежилого помещения, на полу у дивана стоял предмет, который никак не мог принадлежать хозяйке квартиры. Просто не в ее стиле был. Это был старый, потрепанный пузатый портфель с двумя кожаными ремнями-застежками; судя по его раздутым бокам, чем-то плотно и заботливо набитый.

Симпатичный такой портфельчик, килограммов на семь-восемь тротила. Такой заряд разнесет не только Людочкину гостиную, но и еще пару этажей под нею. И весь одиннадцатый этаж заодно.

Едва увидев его, я не стала медлить и раздумывать, а тут же бесшумными скачками ускорилась за ближайший угол и перевела дух.

Взрывчатка? Вполне может быть. Сомнения вызывает только один вопрос. Если это и в самом деле взрывчатка, какой же это умник вышел на такого кролика, как Людочка, с такой медвежьей рогатиной. Она же все-таки не директор банка и не главарь преступной группировки, не авторитет криминального мира.

Да и стоит портфельчик слишком уж на виду. Может быть – специально. Чтобы, увидев его, Людочка тут же в него полезла поинтересоваться, что внутри. И если застежки соединены с детонатором...

Я выглянула из-за угла коридора. Портфель стоял как прежде, не выказывая абсолютно никакого намерения тут же взорваться.

«Может быть, и нет в нем никакой взрывчатки? – засомневалась я. – Может быть, тут его хозяин где-то бродит? Ведь я еще не все осмотрела. В этой квартире столько всяких закоулков».

Осторожно, стараясь держаться подальше от подозрительного портфеля, я прокралась вдоль стены к двери в спальню. Она была закрыта неплотно, и сквозь щель между дверью и косяком я увидела сидящего на кровати лысого мужчину в очках. Он сосредоточенно смотрел в стену и о чем-то, видно, глубоко задумался.

Я решила поберечь его лысину и не стала размахивать своим никелированным оружием. Он не показался мне серьезным противником в рукопашной схватке. Но он мог быть вооружен, а перспектива получить свеженькую дырку в животе или во лбу меня вовсе не устраивала. И потом – мне нужно было с ним хотя бы немного поговорить. Например, о том, как он сюда попал. Поэтому мне очень не хотелось, чтобы он видел, как я вхожу в комнату. А вдруг он и в самом деле выхватит пистолет?

Отворив дверь чуть пошире, я тщательно примерилась и запустила своим железным прутком через всю комнату в окно. Благо спальня у Людочки оказалась нормальных размеров, рассчитана, видно, была на одну женщину, а не на гарем. Так что в широченное окно я своей железкой благополучно и точно попала.

Тишину нарушил резкий звон рассыпавшегося оконного стекла. Мужчина, сидевший на кровати, вздрогнул и уставился на окно. Этого мне, собственно, и нужно было. Через секунду я была рядом с ним, свалила его носом в подушку, заломила руку за спину и, удерживая ее одной рукой, другой стала вытаскивать тонкий, но достаточно прочный кожаный пояс из его брюк.

– Позвольте, что вы делаете? – До меня едва доносился его голос, приглушенный подушкой. – Не трогайте меня! Я не хочу!..

Не знаю, что уж он там подумал по поводу моих действий, но мне просто нужен был его ремень, чтобы связать ему руки, что я в результате и сделала. Стянув ему за спиной запястья, я наконец перевернула его на спину и внимательно рассмотрела его лицо.

Очки с него слетели, в усах застряло перышко из подушки, остатки волос над ушами взъерошились, глаза испуганно-возмущенно бегали, губы взволнованно пытались что-то выговорить.

– Что все это значит? – закричал он на меня, но как-то не очень уверенно. – Кто вы?

– Это твой портфель стоит там в зале? – спросила я, не обращая внимания на его вопросы. – Вопросы, извините за банальность, задаю я.

– Мой портфель. А в чем дело? Кто вы? Что вам от меня надо?

– Что в портфеле?

Он тут же прекратил ругаться и посмотрел на меня настороженно.

– В портфеле лежат необходимые для моей работы документы. Вам они совершенно ни к чему. Они не представляют никакой ценности.

Теперь мужчина отвечал совершенно спокойно и даже как-то вкрадчиво. Его, видимо, очень беспокоила перспектива утраты своего портфеля. Отлично, значит, нужно познакомиться с его содержимым. Но сначала нужно было впустить в квартиру торчавших у ее двери, и, наверное, порядком скучающих уже дамочек.

– Полежи здесь, – бросила я, не обращая внимания на его возмущение. Светка и Людочка все еще стояли перед дверью и встретили мое появление, как истомившаяся публика встречает появление долгожданной примадонны во время затянувшегося до бесконечности начала спектакля.

– Пошли, – скомандовала я им коротко, ничего не объясняя.

Они послушно двинулись за мной, как цыплята за наседкой. Не останавливаясь, я повела их прямо в спальню, к своей добыче.

Мужчина, лежащий на кровати, едва нас увидев, вновь начал возмущаться:

– Позвольте, Людмила Анатольевна! Что все это значит? Ведь это просто какое-то разбойное нападение! Она вам окно расколотила. Бандитка какая-то...

Он наконец выдохся. Мы со Светкой смотрели на Людочку. Она молчала, что-то обдумывая. Ее брови поднялись выше обычного, придав лицу еще более удивленное выражение.

– Валентин Петрович, – произнесла наконец она, – как вы здесь оказались?

– Я пришел проверить... Мне сообщили ваши соседи, что опять появился запах. Вы же помните тот взрыв. А вас не было дома...

Мужчина попытался встать с кровати, но с него начали падать брюки, он задергал связанными за спиной руками, и ему пришлось снова сесть.

– Я открыл теми ключами, что вы мне дали после смерти вашей матушки. Посмотрите, что она со мною сделала.

Мне показалось, что последней фразой он хотел отвлечь наше внимание от предыдущей фразы. О ключах, которые у него были. Но сделал это так откровенно, что только привлек еще больше внимания к этому вопросу. Так-так, откуда ключики-то?

– Это ты давала ему ключи от квартиры? – строго спросила я Людочку.

– Не помню, – медленно ответила та. – Кажется, нет, не давала.

В голосе ее уверенности не было. Тот, кого она называла Валентином Петровичем, тоже это прекрасно слышал и, конечно, не преминул этим воспользоваться. В своих, разумеется, целях.

– Как же, Людочка, милочка, вспомните хорошенько, – в день похорон.

– А зачем я их вам дала? – спросила Людочка все так же неуверенно.

– Ну как же, милочка, – волновался мужчина, – вы еще сказали: «На всякий случай». Вот сегодня как раз такой случай. Запах газа...

Он почему-то запнулся и тут же поспешил перескочить на другое:

– Впрочем, ничего особенно серьезного. Это не страшно. Опасности нет.

В этот момент я почему-то подумала, что он врет. Опасность была. Правда, какого рода эта опасность и откуда она исходит, я сказать не могла. Может быть, и от утечки газа. Запах все же...

– Так ты его знаешь? – спросила я Людочку, хотя это и так было уже ясно. Но пусть мужичок еще поволнуется, что-то он темнит слишком много.

– Да, это Валентин Петрович, председатель нашего кооператива, и я его, конечно, знаю... – ответила Людочка, но фразу почему-то не закончила.

– Ну так как? – спросила я ее еще раз. – Давала ты ему ключи?

Людочка неопределенно пожала плечами. Неопределенность была ее привычным состоянием. И я ее уже начала воспринимать как нечто неопределенное. Не имеющее четких границ, расплывчатое.

Валентин Петрович в это время сделал привычное, очевидно, для себя движение головой, как бы освобождая шею от слишком тугого воротника. Могу поспорить, что чувствовал он себя как полный идиот – со сползающими на колени брюками и связанными за спиной руками. Так чувствовал бы себя любой в его положении.

– Да развяжите же меня наконец. – Он, вероятно, почувствовал, что ситуация позволяет прибавить возмущения в голосе. И, конечно, прибавил. Но мне послышались в его голосе театральные нотки.

Людочка взглянула на меня. Я кивнула. Она развязала ему руки.

Он вскочил и прежде всего вынужден был ухватиться за брюки.

– Если мы выяснили наконец это досадное недоразумение, – затараторил он, – позвольте удалиться. Столько дел, столько дел...

Он направился к двери.

– Ключи-то вы нам оставьте, – остановила я его уже на пороге.

– Ах да, конечно, конечно... – Он даже не уточнил у Людочки, имею ли я право так по-хозяйски распоряжаться в ее квартире. Видно, первое знакомство со мной создало у него правильное впечатление о моих правах.

Валентин Петрович пошарил по карманам спадающих брюк и выудил из них большую связку ключей, снял с нее связочку поменьше и протянул нам.

– Пожалуйста, пожалуйста, – бормотал он при этом. Было заметно, что ему хочется побыстрее исчезнуть из нашего поля зрения.

– Постойте! Кто конкретно из соседей сообщил о запахе газа?

Мне вдруг показалось существенно важным уточнить это, поскольку пахло-то совсем не газом. Чем угодно, только не газом.

– Сосед снизу, Федор Степанович. Он, кстати, еще раз насчет потолков напомнил...

– Вот это уж сейчас совсем некстати, Валентин Петрович. – Людочка подняла с пола его ремень и сунула ему в руки. – Идите, идите... Валентин Петрович. Мы потом с вами об этом поговорим.

Она пошла выпроваживать его из квартиры. Мы со Светкой остались вдвоем.

ГЛАВА 3

Я посмотрела на нее и укоризненно-осуждающе покачала головой.

– Где ты ее раскопала?

Светка сразу же кинулась защищаться. Разве может она признать свою ошибку?

– А что? Ты посмотри на нее хорошенько. Внимательно посмотри. Она очень интересная. Непосредственная. И живая. В ней душа сохранилась, не умерла еще... Уж ты-то могла бы и понять.

– Ну хорошо, хорошо, только объясни мне, ради бога, почему она столько врет? Ведь ни одному ее слову нельзя верить.

– Не знаю, Танюш. Но мне кажется, что это не так уж и страшно...

– Для чего не страшно? Для ваших с нею отношений? Наверное, не страшно... Но как я-то буду спасать ее жизнь? Ведь ты меня для этого в Тарасов притащила? Как мне работать, когда каждое ее слово нужно трижды проверить и перепроверить, прежде чем принимать в расчет... Это болото какое-то. Твердо встать негде...

Мне пришлось замолчать, потому что в дверях появилась Людочка.

– Если я сейчас не выпью кофе... – заявила она и запнулась, не зная, что же такое с нею случится, если она не выпьет кофе.

– То при следующем покушении на твою жизнь ты умрешь, так и не выпив кофе, – съязвила я, чтобы не дать ей войти в роль хозяйки, принимающей гостей, напомнить, зачем я здесь. Не в гостях же. Я здесь на работе. В общем, напомнить каждому о его роли.

– Свет, ну поставь кофе-то, – тут же сообразила Людочка, что Светкой можно слегка пораспорядиться, ведь сейчас в ситуации участвуют только главные действующие лица: я и она, Людочка.

– А на кухне есть что-нибудь более подходящее, кроме этого покореженного чайника? Есть в чем варить кофе?

Я спрашивала с полным основанием, потому что, заглядывая на кухню, никаких признаков посуды там, помнится, не обнаружила. Не получив никакого ответа на свой вопрос, я добавила:

– Или мы будем пить растворимый кофе, заваренный водой из контуженого чайника?

– А что? – недоумевающе сказала Людочка. – Какая разница?

Я уничтожающе посмотрела на Светку. И протелепатировала ей следующее:

«Ты хоть поняла, дура, с кем связалась?» – мысленно спросила я ее.

«Сама дура!» – так же мысленно, но очень экспрессивно ответила мне Светка.

– Ладно, – снизошла я, – иди ставь на огонь этого уродца...

Пока Светка ходила ставить чайник для кофе, Людочка успела сообщить мне, что у нее за последнее время было много деловых контактов с руководителями крупных тарасовских коммерческих фирм, и, может быть, это каким-то образом связано с последними событиями. Хотя она не думает, что это могло как-то повлиять...

– Постой, постой, а ты где работаешь-то?

Я, признаться, была обеспокоена содержанием ее последней фразы. «Деловые контакты» у нее, видите ли! Уж не валютная ли она красавица? Вот тогда я над Светкой вдоволь посмеюсь...

– Я генеральный директор рекламной студии «Колбаскин и другие». Видео– и аудиореклама... Мы уже пять лет работаем на российском рекламном рынке... Наши ролики показывают OPT и REN TV...

– Менеджеры из ведущей французской телекомпании у вас все телефоны оборвали, пытаюсь закупить пару передач, а вот лондонские телевизионщики от ваших роликов отказались, потому что вы запросили слишком высокую для них цену...

Людочка смотрела на меня все с тем же недоуменно-снисходительным выражением, даже улыбалась слегка, пытаясь, очевидно, скрыть свое смущение. Впрочем, смущена она если и была, то совсем немного.

«Да ерунда, – словно говорило ее добродушно-невозмутимое лицо, – не прошло на этот раз. Ну так следующий раз пройдет!» Видно, Людочка была оптимистка, каких поискать.

– Людочка, поймите такую простую вещь. – Мне почему-то стало жаль ее, и я перешла на «вы». – Чтобы вам помочь, мне нужно располагать объективной информацией. А я слышу от вас сплошные выдумки. Давайте все же говорить как взрослые люди. А то что это: генеральный директор, Колбаскин какой-то...

– Нет, нет. Это правда, – заволновалась Людочка. – Я и в самом деле генеральный директор этой компании. А Колбаскин, это же Валера Колбаскин, известный тарасовский композитор...

И видя, что я на это имя никак не реагирую, принялась объяснять.

– Он еще все популярные песни написал для «Исподницы». Помните?..

– Для какой еще исподницы?

– Ну, ансамбль такой, где одни девушки... Наш тарасовский ансамбль. Он потом очень популярным стал в России. Помните?.. Клип еще такой был: «Аудитор, наш милый аудитор!» Как же вы не помните!

– Ах, это... – наконец сообразила я. – Ну вы-то каким образом к этому Колбаскину попали?

– Так это старший брат моего Сережи, бывшего мужа...

– Извините, Людочка, – так это все не выдумки? Это ваше рекламное агентство и деловые контакты с директорами фирм?

– Ну, – замылась она, – может быть, деловые контакты – это немного сказано... громко, что ли... Ну, есть тут некоторое преувеличение. Ну, по телефону я со многими говорила...

– Людочка! – заорала я, не выдержав. – Ну следите же за собой, в конце концов! Ведь речь идет о вашей жизни! Не о моей. Это на вас покушаются, а не на меня! Вас хотят убить, а не меня! А вы мне все стараетесь втереть очки... Что за детский сад!

– Извините... Таня.

Людочка, как мне показалось, чувствовала себя смущенной и виноватой.

– Ну хорошо, – вздохнула я, – давайте, я вам помогу... Вы будете отвечать на мои вопросы, но отвечать будете точно и четко, ничего не размазывая и не преувеличивая. Правду, только правду и ничего, кроме правды... Голую, так сказать, правду.

– Хорошо, – закивала Людочка головой. – Я готова. Спрашивайте.

– Как долго существует это то ли ваше, то ли не ваше рекламное агентство?

– Понимаете, дело в том, что оно зарегистрировано было сначала на... – затараторила Людочка.

Я вздохнула.

Она коротко на меня взглянула по-детски чистыми и ясными глазами и ответила четко и понятно:

– Мы работаем три месяца.

– Вот, уже хорошо, – одобрила я ее. – Молодец. Теперь скажите честно, сколько клипов вы за это время успели сделать?

– Дело в том... – начала опять Людочка, но, тут же спохватившись, нашла в себе силы ответить на мой вопрос правдиво: – По сути дела, ни одного.

Мне, по крайней мере, показалось, что это похоже на правду.

– И сколько договоров на производство роликов вы успели заключить? С крупными, как вы говорите, фирмами? – развивала я свой первый успех.

– Один.

Людочка, как мне показалось, почувствовала какой-то непривычный для себя вкус в правдивых ответах, открывающий ей взгляд на себя со стороны. Интересный такой объективный взгляд. Она готова была вывалить сейчас про себя все самые неприятные подробности и честно осветить все туманные стороны своей жизни.

Но мне, как всегда в таких ситуациях, помешала моя самая близкая подруга Светка.

Она ввалилась в спальню с подносом в руках, заставленным чашками, банкой кофе, сахарницей и тем самым уродливым бесформенным чайником.

– А вот и кофе! – заявила она, как какая-нибудь пошлая провинциальная перезрелая девка из пронафталиненной чеховской пьесы.

Я посмотрела на нее с ненавистью. Она ответила мне недоуменным взглядом.

– Ладно, – решила я сменить тему, – давайте рассказывайте, что тут у вас необычного еще произошло. Например, вчера.

– Здесь – ничего, – ответила Людочка. – То есть в квартире, я имею в виду. А вообще вчера у меня украли сумочку. Вместе со всем, что в ней было. С деньгами. И с паспортом.

Я посмотрела на нее с недоверчивым вниманием. Она смутилась и тут же бросилась то ли поправляться, то ли признаваться в маленькой лжи.

– Денег там было немного, рублей тридцать. А вот был ли там паспорт, я... не помню. Но и где он, тоже не помню... Понимаете?..

Я сокрушенно покивала головой. Понимаю. Чего уж тут не понять...

– Еще, – потребовала я.

– А еще, – влезла Светка, – за нами сегодня увязался какой-то кретин вот с такой квадратной головой и вот такими квадратными плечами.

Она вытянула руки в стороны, насколько могла.

– Представляешь, в шесть утра... Мы всю ночь не спали, дожидались, когда первый автобус на твою турбазу пойдет... И только вышли – эта горилла прямо за нами идет. Прямо за нами. И не отстает. Мы в троллейбус. Он тоже. Мы на следующей вышли. И он вышел... Знаешь, как мы его с хвоста сбросили? Это она придумала...

Светка кивнула на Людочку и захихикала, как самая последняя дура.

– Заткнись, – сказала я Светке. – Я тебя ни о чем не спрашивала.

Та обиженно надулась. Пусть дуется.

Всю ночь они не спали... Ко мне собирались... Представляю, как они собирались. За ночь Людочка так осточертеет, что поневоле ко мне потянет. Неудержимо.

– Ну, – рывкнула я на Людочку, – еще что-нибудь вспомнили?

– Знаете, – попыталась она возмутиться, – я не понимаю...

– Понимать – это моя обязанность. Твоя – рассказывать.

Людочка поджала губы. Светка уже давно сидела с поджатыми. Глядя на них, я вдруг развеселилась. Сидят, голубушки. Нахохлились.

– Ладно вам, девчонки! Хватит дуться. Сами же выдернули меня с турбазы в это пекло, а теперь дуетесь. Давайте быстренько все вместе разберемся со всей этой ерундой и поедем ко мне, на Волгу. Домик у меня на четверых. Места навалом. Сухого вина наберем. Рыбы наловим. Вечером – шашлык... А потом – купаться ночью. Только от комаров что-нибудь нужно. И от ожогов. Там такое солнце – за день почернеть можно... Ну что молчите? Едем? Только вот с этим небольшим дельцем разберемся... Втроем-то, я думаю, мы быстро справимся?

Кажется, мне удалось заинтересовать их своим предложением и заразить своим оптимизмом... Это с моей стороны было что-то вроде извинения за излишнюю резкость. И мое

извинение было принято с восторгом. По крайней мере, Светкой. Во всяком случае, она уже улыбалась.

– Ну, давайте, рассказывайте. Все, что знаете. У меня, например, сама квартира вызывает ощущение опасности. Но с чем оно связано, я не могу понять. Может быть, вы мне что-то подскажите?

– У меня эта чертова квартирка с самого начала вызывала какое-то жуткое чувство. А уж после того, как с мамой все это случилось тогда... Все думаю, наверное, ее нужно продать...

– Конечно, продать, – подхватила Светка. – Раз душа к ней не лежит – продать ее к чертям собачьим и купить что-нибудь поменьше...

– Вот только выясним сначала, кому тут Людочка помешала, – вставила я, чтобы вернуть их к более насущной теме. – Может быть, все же что-то расскажете?

– Да вот же, – Людочка даже стукнула себя ладонью по лбу. – Мы из-за чего не спали-то всю ночь! По потолку сверху кто-то ходит. По чердаку то есть. И скребется там, как собака. Но шаги явно человеческие.

Я сосредоточилась, пытаюсь представить этот звук. И, по-моему, мне это удалось. По крайней мере, я представила его очень отчетливо.

Светка внезапно насторожилась.

– Тише, – прошипела она и подняла обе руки. – Слышите?

Я, признаться, ничего не слышала. В моих ушах еще и еще раз прокручивался звук, который я только что себе так четко представила.

– Точно, – сказала Людочка, тоже прислушавшись, – те же самые шаги.

Тут только до меня дошло, что звук шагов, звучащий у меня в ушах, существует на самом деле, а не только в моем представлении. Над нашими головами действительно кто-то ходил, шурша каким-то сыпучим материалом вроде щебня.

– Так, – сказала я, – сидите здесь, пьете кофе. Ждете меня.

Они застыли в напряженном, уважительном молчании. Я встала, подобрала среди кучи осколков стекла у окна свое никелированное оружие и вышла из комнаты.

ГЛАВА 4

Пусть попьют кофе без меня. Терпеть не могу растворимый кофе. Даже самый лучший. Так же, как сухое молоко или бульон в кубиках. Но если сухое молоко – это просто абсурд, бессмыслица, издевательство над здравым смыслом, вроде «сухой воды», то растворимый кофе – это кощунство. Издевательство над моим вкусом. Настоящий кофе должен быть в зернах, которые я сама буду молоть так, как только я считаю нужным, и варить его тоже буду я сама, только так, как мне нравится. И вкус у него получится очень и очень индивидуальный. Мой вкус. Такой же специфический, как и мой характер. Такой кофе я люблю.

А растворимый кофе... Пить его – все равно что есть мясо, которое кто-то для тебя предварительно разжевал... Из особого расположения к человеку я, конечно, могу себя заставить выпить чашечку. Одну. Но под любым предлогом стараюсь от этого увильнуть. Поэтому шаги на чердаке раздались очень кстати.

Рассуждая таким образом, я выбралась из квартиры снова в холл одиннадцатого этажа и после недолгих поисков отыскала дверь, ведущую на чердак. Она была сделана вровень со стенами, выкрашена той же краской, что и стена, и поэтому малозаметна для беглого взгляда.

Замок в двери был безнадежно испорчен. Видно, открывали его не деликатной и умелой шпилькой, какая служит в таких случаях отмычкой, например, мне, а чем-то упрямым и прямолинейным вроде стамески или напильника. Короче, замок был грубо изнасилован без всякой заботы о том, чтобы им можно было пользоваться в дальнейшем, а только с тупым упорным стремлением к результату. Одно это уже как-то характеризовало человека, который открывал его, а я почему-то была уверена, что взломал дверь именно тот, кто сейчас бродил наверху.

За взломанной дверью оказался небольшой узкий коридорчик с двумя крутыми лестничными пролетами. Преодолев ступени железной лестницы, я оказалась перед еще одной дверью. Она была не только не заперта, в ней даже сам замок отсутствовал, вырванный с корнем. Свежие края взлома говорили о том, что сделано это совсем недавно.

Когда я открывала эту изуродованную дверь, она предательски заскрипела. Если на чердаке кто-то был, он наверняка слышал этот громкий скрип, потому что на чердаке было достаточно тихо и каждый звук раздавался отчетливо и как-то подчеркнуто вызывающе. Еще не сделав и шага по чердаку, я себя демаскировала.

Впрочем, сделав этот шаг, я убедилась, что ходить по чердаку бесшумно просто невозможно. Пол его был засыпан не щебнем, а шлаком довольно крупного размера, круглые шарики которого расплзались под ногами с характерным и далеко разносящимся шуршанием.

За что я люблю внешние обстоятельства – так это за их демократизм. Они одинаковы для всех участников события. Наступает полное ситуационное равноправие. Я не могу двигаться бесшумно? Я лишена этого преимущества перед противником? Но ведь и противник может бесшумно только стоять на одном месте. Двигаться бесшумно он не может точно так же, как и я. В этом мы с ним равноправны. А это меня устраивает. Я могу уже хоть как-то следить за его действиями. Вернее, за их несовершенством. Контролировать сохранение противником пассивного состояния.

Я размышляла сама с собой, а тем временем потихоньку продвигалась вперед и осматривалась в этом очень странном и непривычном для меня помещении. Сколько раз приходилось мне бывать на чердаках, сколько раз они спасали мне жизнь, помогали обмануть преследователей или, наоборот, объект моего профессионального внимания... Я облазила, наверное, чердаки половины зданий центра города, и уж, во всяком случае, на чердаке любого из серийных домов я чувствовала себя с уверенностью рыбы в воде. Потому что чердаки серийных домов до такой степени серийны, что их просто не отличишь иной раз друг от друга.

Но то, что я видела сейчас, я видела действительно впервые. Причина, наверное, была в планировке одиннадцатого этажа и надстроек к нему в виде соляриев и вторых уровней. Я уже говорила, что еще в холле поняла, что чердак представляет собой широкое кольцо вдоль периметра дома. Если бы я судила о его планировке только изнутри, я бы ни за что об этом не догадалась. Внутри это был лабиринт Минотавра, а не чердак. В расположении его коридоров, проходов и переходов, тупичков и небольших «лужаек» не было никакой логики. Стены коридоров стояли под любыми углами друг к другу, иногда и просто изгибались неровной плавной линией, доходили то до самой крыши, то только едва возвышались над самой моей головой.

Пройдя всего два-три поворота, я поняла, что уже не знаю, как вернуться назад. Дополняли картину часто встречающиеся переплетения каких-то труб с вентилями, кранами и даже манометрами. Короче – это была для меня просто-таки масса новых впечатлений.

И я так увлеклась знакомством с новым для меня миром «чердаков элитарных домов», что совсем забыла, зачем я, собственно, сюда забралась.

Две длинных руки, вскинувшиеся из-за поворота к моему горлу, вернули меня к действительности. Я успела заметить грязные ногти на длинных тонких пальцах, которые в следующий момент сомкнулись на моем горле.

Однако больше всего меня поразила не неожиданность нападения, а то, что нападающий не знал, что делать дальше.

Он держал меня за горло, стоя ко мне немного боком, и рассматривал меня с очень серьезным, но каким-то отрешенным выражением лица.

Глаза смотрели как-то мимо меня. Он словно рассматривал нас обоих со стороны, представляя, как все это выглядит. Вернее, представляя, как выглядит он сам. Прикидывал, крутой он или нет.

Его пальцы больно сдавили мне шею, но легли очень неумело, я сразу же поняла, что даже если он будет давить изо всех сил, серьезного вреда причинить мне не сможет. Я напрягла мышцы шеи, и, хоть покраснела, как рак в кипятке, чувствовала себя в относительной безопасности. Слишком уж неуверенными были его действия.

У меня был большой выбор – куда его двинуть. Он был фактически весь открыт для удара и заботился не о результате своей атаки, а о впечатлении, которое на меня произвел. О своем имидже. От этого веяло такой неуверенностью, что я сразу успокоилась и не стала бить его по яйцам. Хотя было очень соблазнительно.

Я легонько воткнула свой острый локоть ему в солнечное сплетение, он охнул, задохнулся и, по-моему, немного пришел в себя. По крайней мере, в глазах его появилась осмысленность. Он, кажется, переключился с созерцания самого себя на то, что он держит в руках. То есть на меня. Или, по крайней мере, на мою шею.

«Ну наконец-то, – подумала я. – Какой ты, однако, заторможенный».

Я толкнула его в грудь. И без того слабо державшие мою шею пальцы скользнули по ней, оставляя на ней царапины. Я ужаснулась, вспомнив его грязные ногти. Парень запатался и сделал шаг назад.

Вероятно, он был болезненно самолюбив, иначе я никак не могу себе объяснить, почему он так упрямо стремился продолжить свою атаку. Идиотом я его не назвала бы, взгляд красивых серых глаз не был расплывчатым и бегающим, наоборот – чересчур сосредоточенным. Скорее всего, он все еще продолжал видеть себя со стороны и любоваться собой. Наверное, решил все же, что крутой.

«Ну ты, дружок, нашел, чем любоваться, – усмехнулась я про себя. – Ты ж сейчас ведешь себя, как самый последний дурак».

Но он решил еще раз попробовать со мной справиться. Он попробовал перегруппироваться на разъезжающемся под ногами шлаке, и я сразу же поняла по его движению, что сейчас

он попробует ударить меня своей длинной ногой по лицу. Вероятно, ему очень нравилось, как он это делает. Вернее, как он в этот момент выглядит.

По-моему, я даже успела вздохнуть. От ощущения банальности того, что мне предстоит сейчас сделать. Это было просто скучно.

Так и есть. Он чуть развернулся боком. Правая нога оторвалась от пола и начала движение снизу справа вверх налево. То есть к моему лицу. Его корпус в это время начал красиво прогибаться, вовсе не для того, чтобы сохранить равновесие, в этом-то не было особой необходимости, а для того, чтобы продемонстрировать гибкость своего тела. Я, правда, не поняла, кому продемонстрировать, – мне или опять-таки самому себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.